

19. Übersichtskarte von Mitteleuropa. 1:300000. Herausgegeben von Kartogr.Abtteilung der Kgl. Preus. Landesaufnahme. 1896 –1900.
20. Meuers Historischer Handatlas. Lpz., BI, 1911.
21. Kettler J. Flemmings Kriegskarte. Das Russische Kriegsgebiet...1:2000000. – Berlin, Carl Flemming A.G., 1914.
22. Военно-топографическая карта Европейской России. 1:126000. (Трёхверстка). Karte des westlichen Russlands. Bearbeitet i. d. Kartogr. Abt. d. Stallv.Generalstabes d. Armee. 1914 – 1915.
23. Karte des westlichen Rußlands. 1:100000. Kartographische Abt. d. Königl.Preyss.Landes-Aufnahme. 1914.
24. Freytag G., Peucker K. Generalkarte von West-Russland ... 1:15000000. Wien, Eigentum und Verlag von Artaria & Comp., 1915.
25. Der Sommerfeldzug gegen Russland (karte von Ludendorf).
26. Mapa taktyczna (wigowska). 1:100000. – Warszawa, WIG, 1921-1939.
27. Verwaltungsübersicht Weißrutheniens (beilage zur "Bevölkerungsstatistik Weißrutheniens"). – Berlin, Dahlem, 1942.
28. Plan der Stadt Minsk. 1:10000. Aufnahme und Druck: Armee-Kartenstelle, 1942.
29. Umgebung Minsk (Deutsche Heereskarte, Rußland). 1:25000. Kr. Kart. u. Verm. Art. Kauen. 1.44. [01.1944].
30. Этнографическая карта Белорусского племени. Сост. в 1917 году ординарный академик Е. Карский. – М.: Отд. прос. нац. менш., 1920.
31. Ostland Verwaltungskarte.Hersg. von Reichskomissar P.O.Ostland. [01.1944].

Зубачевский В. А. (ГПУ, г. Омск, Российская Федерация)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1920 – 1923 гг.)

В конце XX – начале XXI вв. российские и белорусские историки ввели в научный оборот новые документы о советско-германских военно-политических отношениях в 1920-е годы. Большинство учёных оценивают эти отношения как позитивное явление в борьбе против "санитарного кордона", созданного версальскими миротворцами для изоляции Германии и Советской России, но исключают наличие военно-политического союза названных стран. Однако некоторые историки придерживаются другого мнения. Автор разделяет первую точку зрения. Её подтверждает, в частности, история советско-германских отношений в 1920 – 1923 гг., на которые пришлось основные военные и революционные конфликты в Центральной Европе.

Уже события 1920 г. поставили под сомнение прочность буфера-кордона. Так, Германия надеялась использовать нападение Польши на советские республики для ревизии Версальского договора. К интересному выводу пришел в феврале 1920 г. Президиум Рады Белорусской Народной Республики: в связи с политикой Польши в «Белоруссии и [на] Украине, с враждебным отношением к ней России и Германии легко придти к заключению о скорой гибели Польши, а может быть и четвертому разделу... большевики... умышленно отступали, чтобы дать возможность похозяйничать полякам в Белоруссии и тем разжечь ненависть к полякам ... через месяц-полтора большевики разобьют поляков» [1]. Позицию благоприятного для Советской России нейтралитета заняла и Чехословакия, о чём напомнил в феврале 1921 г. уполномоченный РОКК в ЧСР С. И. Гиллерсон наркому иностранных дел Г. В. Чичерину [2; Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 2]. О намерении вступить в 1920 г. в переговоры с Москвой признался в 1924 г. полпреду в Праге К. К. Юреневу президент ЧСР Т. Масарик [2; Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 100]. На советско-литовских переговорах обсуждались даже совместные военные действия против Польши [3; Ф. 325. Оп. 2. Д. 26. Письма председателя делегации на переговорах с Литвой А. А. Иоффе – председателю РВСР Л. Д. Троцкому. 15 мая, 25 июня 1920 г. Л. 73, 76].

Вероятные шаги Германии в связи с советско-польской войной рассматривали немецкие военные и дипломаты. Июльские (1920 г.) записи сотрудников IV (восточного) отдела МИД Германии и командующего рейхсвером генерала Г. Секта свидетельствуют, что с приближением Красной Армии к русско-германской границе 1914 г. идея возврата "области Коридора"

или создания из неё буферного государства как преграды против большевизма приобрела зримые очертания [4; Bd. III. № 207. S. 430; № 218. S. 456 – 458]. Так, 31 июля Сект писал министру иностранных дел В. Симонсу: «В случае посылки войск Антанты ... Западная Пруссия и Позен станут ареной борьбы» Антанты и Польши с Россией. Но если Антанта и не высадит войска в Данциге, «откатывающиеся польские войска превратят немецкие провинции в руины. Эта вероятность ... должна нас побудить на обращение к русским». Затем мы предложим провести плебисцит в отторгнутых от Германии провинциях [4; Bd. III. № 224. S. 466 – 468]. 12 августа представитель НКВД в Берлине В.Л. Копп заявил советнику IV отдела германского МИД А. Мальцану: советское правительство «уважает желание немцев» западных польских земель создать автономное государство и не против возвращения Германии этнографически немецких территорий «польским большевистским правительством» в случае образования последнего [4; Bd. III. № 246. S. 496 – 497].

Советско-германские переговоры нашли отражение в указаниях руководства Красной Армии от 9 и 14 августа: «Воспрещается переходить прусскую границу, существовавшую до войны 1914 г., за исключением перешедшего к Польше коридора на Данциг. В этот коридор ввод наших войск разрешается», поскольку там вероятно нахождение «большого количества военного имущества. Предревсовета Л.Д. Троцкий указал на необходимость захвата этого имущества» [5]. В августе 4-я советская армия настолько углубилась в Польский (Данцигский) коридор, что казалось, по словам французского наблюдателя, она «уже не принимает участия в войне с Польшей ... и задалась целью восстановить мост из Восточной Пруссии в Германию» [Цит. по: 6]. Кстати, немецкое население бывшей Западной Пруссии встречало красноармейцев как освободителей [7; Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn. 4477. K. 34].

Польские правящие круги, раздувая антигерманскую и антироссийскую алармистскую пропаганду, пытались доказать, что союз Германии и России – свершившийся факт: распустили слух о визите Троцкого в Восточную Пруссию (Троцкий туда не приезжал); сообщили, что 17 июля 1920 г. в Берлине секретарь ИККИ К.Б. Радек, Копп и Мальцан подписали секретный германо-большевистский договор, предусматривавший оккупацию Россией Польского коридора и Данцига с последующей их передачей Германии, и соглашение о военно-технической помощи России за подписями крупнейшего германского монополиста Г. Стиннеса и Коппа [7; Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 2. K. 36-37]. Но хранимая в ААН копия договора – фальсификация: в частности, Радек в это время участвовал в работе II-го конгресса Коминтерна. Представитель же Праги в Берлине считал, что заключение тайного советско-германского соглашения невозможно из-за вмешательства большевиков во внутренние дела Германии [8; 1920. 12.6. С. 63].

Официального советско-германского военного сотрудничества не смог доказать и министр иностранных дел Польши Е. Сапега. Действительно, переговоры Коппа с Симонсом и Мальцаном не привели к конкретным соглашениям, но советско-германское сотрудничество неофициально осуществлялось, особенно в военно-технической области. На севере советско-польского фронта в штабе Красной Армии работали немецкие офицеры под командованием генерала О. Леттов-Форбека. По информации военного атташе Польши в Финляндии, весной в Красной Армии насчитывалось 2000 германских офицеров и солдат, а летом было переброшено ещё 300 офицеров и 1800 военных специалистов [9]. Посланник в Варшаве А. Оберндорф также сообщал 8 июня в МИД Германии о немецких офицерах, служащих в Красной Армии [10]. Насколько далеко зашли военно-политические отношения – этот вопрос остаётся предметом дискуссии. Во всяком случае, позднее кандидат в члены Политбюро ЦК РКП (б) Н.И. Бухарин предлагал «оформить положение немецких формирований на западном фронте» [11].

Отступление советских войск изменило позицию Германии, но, по мнению Коппа, она не нарушит нейтралитет: «Образцовое поведение наших войск в коридоре» опровергло «сказки о Красной армии, как о недисциплинированном сброде и о большевизме, как о движении, разрушающем всякую культуру». Германия вступит в антибольшевистскую коалицию только при нашем «военном вторжении в Восточную Пруссию или при насильственной советизации коридора ... установление дружеских отношений с буржуазным правительством Германии и нами будет воспринято рабочими как их победа, а не как наш отказ от революционного пути» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1037. Копп – Чичерину. 1 сентября 1920 г. Л. 111, 112]. Вместе с тем, писал Копп Чичерину 7 сентября 1920 г.: «Мы отброшены в Германии дипломатически на исходные позиции начала текущего года».

27 сентября Копп заметил: «Охлаждение явилось ... реакцией на те преувеличенные надежды, которые возлагались ... в Германии на освободительную роль Красной Армии в Западной Пруссии ... медленно созревает более благоприятный для нас поворот» [3; Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 21, 41]. По словам же наркома иностранных дел РСФСР Чичерина, германские правящие круги не использовали конъюнктуру «нашей борьбы с Польшей» [12]. Они оказались правы, выжидая развития событий. Несомненно, соответствовавшие настроениям части правящих кругов и населения Германии, приготовления к войне с Польшей были, но конкретные решения о вмешательстве в советско-польскую войну не принимались.

Подписание 12 октября 1920 г. прелиминарного советско-польского мирного договора перевело советско-германские военно-политические отношения на уровень обсуждения возникших проблем. В ноябре Копп и Мальцан рассмотрели вопрос о координации советско-германских усилий по оказанию помощи Литве в борьбе с войсками Л. Желиговского, оккупировавшего по плану Ю. Пилсудского Виленский край [4; Bd. IV. № 51. S. 96], но этим и ограничились. Однако в связи с предстоящим в марте 1921 г. плебисцитом в Верхней Силезии Копп писал Троцкому в декабре 1920 г.: «следовало бы не давать Польше окончательного мира до выяснения исхода верхнесилезского голосования ... Если Красная армия будет у Варшавы в тот момент, когда польская армия будет отступать из коридора и из Познани, судьба белой Польши будет решена безвозвратно». Главнокомандующий германского рейхсвера фон Сект «убеждён в том, что мы воспользуемся польско-германским конфликтом в военном отношении», предлагает России помощь оружием и специалистами, желает провести переговоры для обсуждения практических вопросов [3; Ф. 325. Оп. 2. Д. 45. Л. 6, 7]. В феврале 1921 г. крупный советский дипломат Иоффе советовал В.И. Ленину «доказать Германии, что мы, даже подписывая мир с Польшей, можем оказать ей серьёзную поддержку в вопросе в [ерхне]-силезского плебисцита» [3; Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 31]. В 1921 г. начались неофициальные контакты доверенных лиц советского полпредства в Каунасе с представителями националистических организаций Восточной Пруссии: обсуждались вопросы о военной помощи Красной Армии, координации действий «на случай войны между Россией и Польшей» и разведывательных возможностях Кёнигсберга против Варшавы [2; Ф. 151. Оп. 7. П. 7. Д. 7. Секретная референтура. Л. 135 – 137, 145 – 146].

Вместе с тем, Симонс, выступая 21 января 1921 г. в рейхстаге, говорил: «в принцип своей восточной политики Антанты возвела создание ... прослойки в виде ... окраинных государств», препятствующих «обмену между Центральной Европой и Россией ... Германия является естественной страной транзита из России на Запад <...> любые меры, которые государства Антанты принимают по отношению к Востоку, если они не привлекают Германию, всегда будут только временными и иллюзорными» [13; № 169. С. 270, 275]. После подписания 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора вновь начался постепенный переход большевиков к защите интересов Российского государства путем сближения с Германией, что стало крупнейшим провалом версальских миротворцев. Однако, хотя влияние среди большевиков сторонников реальной политики, видевших в Германии союзника России, возрастало, противоречивый характер советско-германских отношений сохранялся, поскольку концепцию мировой революции Кремль сдавать в архив не торопился.

Накануне Генуэзской конференции ситуация в регионе несколько нормализовалась. Но после подписания в апреле 1922 г. Рапалльского договора издаваемая в Варшаве под патронажем видного деятеля российской эмиграции Б.В. Савинкова газета «За свободу» напечатала текст секретного военного соглашения между Советской Россией и Германией. Правда, уже на другой день газета вынуждена была опубликовать опровержение германского посольства [8; 1922. 5.5. С. 62]. Канцлер И. Вирт заявил 29 мая 1922 г. в рейхстаге: «Рапалльский договор не содержит никаких секретных политических или военных соглашений» [13; № 310. С. 551]. Посол в Москве У. Брокдорф-Ранцау к советско-германскому соглашению в военной сфере относился скептически, но после прихода к власти в ноябре 1922 г. кабинета В. Куно, начавшего «политику катастроф», посол спросил в декабре у Троцкого о военных пожеланиях России «в связи с военным давлением Франции против нас». Председатель РВСР ответил: «Если Польша по указанию Франции захватит Силезию, то «мы ... вмешаемся!». Посол расценил заявление Троцкого как «политический успех» Германии [4; Bd. VI. № 145, 171, 176, 289. Записки Брокдорфа-Ранцау. S. 301, 357, 365, 590 – 591].

Начало политического кризиса 1923 г. в Центральной Европе обусловило обострение международной обстановки в связи с оккупацией в январе Рура Францией. Польские военные считали возможным франко-польское выступление против Германии. Поступавшая в Берлин информация о планах Варшавы заставила Германию обратиться за помощью к СССР. В январе Радек информировал И.В. Сталина о свидании своем и полпреда в Берлине Н.Н. Крестинского с Сектом: «Главком ... спрашивал нас, как будет реагировать Совроссия на германо-польскую войну». Радек считал, что мы не должны «связывать себя конкретными обещаниями», предложив немцам укреплять советскую военную индустрию [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49936. Л. 1 – 3]. Брокдорф-Ранцау писал: «это прежняя Россия могла вести “освободительную войну” á la 1812 за Германию»; для СССР целью является мировая революция [4; Bd. VII. № 102, 109. S. 227 – 228, 247]. Но в феврале в Москве прошли переговоры между делегацией министерства рейхсвера и советскими военными во главе с зампреда РВСР Э.М. Склянским, в ходе которых обсуждались вопросы о совместных военных действиях против Польши с участием Литвы в качестве союзника, немецких военных поставках и финансовой помощи в восстановлении советских военных заводов [14]. После переговоров Брокдорф-Ранцау спросил Чичерина о реакции России, в случае оккупации Польшей части немецкой территории. Нарком уклонился от прямого ответа, отметив, что «наши силы едва ли достаточны» и неизвестно, как отнесутся к Красной Армии в Германии в случае её там появления [4; Bd. VII. № 125. Записка Брокдорфа-Ранцау. 6 марта 1923 г. S. 302 – 304]. Но в донесении Куно 21 марта Брокдорф-Ранцау сообщил и о другом заявлении Чичерина: «дружественные отношения германского и русского правительств важнее революционного взрыва» [4; Bd. VII. № 157. S. 372–375].

Упомянутые советско-германские встречи и дипломатическая переписка осуществлялись в рамках постановления Политбюро ЦК РКП (б) от 18 января 1923 г.: 1. «Поручить РВСР в срочном порядке разработать план ... сосредоточения необходимых сил на западном фронте». 2. “Правде” и “Известиям” напечатать статьи о польских авантюристах, стремящихся к нападению на Германию. 3. Поручить Крестинскому выяснить политику Германии в связи с занятием Рура и возможностью выступления Польши [3; Ф. 17. Оп. 163. Д. 313. Л. 6].

Переписка советских и германских дипломатов в январе-мае свидетельствовала о благоприятных возможностях для развития советско-германских отношений. Большевики внимательно следили за подготовкой Польши к возможным акциям против Германии. Чичерин подчеркнул в марте: «Мы ... считали бы крайне для нас ... опасным переход Данцига в польские руки» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 77. Д. 49933. Л. 11]. Замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов сообщил тогда же Брокдорф-Ранцау информацию о приготовлениях Польши к захвату Данцига, советуя «заблаговременно поднять шум вокруг этого вопроса в ... прессе, чтобы Европа не была застигнута врасплох» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 3]. Москва же получила из Берлина текст секретного румыно-польского договора, носившего антисоветскую направленность [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Из беседы члена коллегии НКВД А. А. Штанге и статс-секретаря МИД Германии Мальцана. 14 апреля 1923 г. Л. 11]. «Германия, писал в июне посланник Австрии в Венгрии, - готовится к обороне от польского наступления. Министр внутренних дел Пруссии К. Зеверинг привлёк к этой работе бывших офицеров генштаба» [15].

Германские политики поддерживали прагматиков в советском руководстве. В мае в германском посольстве в Москве состоялась беседа Штанге с экс-министром иностранных дел Германии А. Кёстером. Брокдорф-Ранцау сказал Штанге: «Я показал ему (Кёстеру.– В.З.) мои секретнейшие документы, в которых пишу, что только единение с Россией может спасти Германию от обращения в страну илотов» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 23]. Германское посольство в Москве, «на основании разговоров с Чичериным» констатировало в мае советские «успехи “континентальной” ориентации, рассчитанной на ... сближение с Германией», обращая внимание, что идея “континентального блока” позаимствована наркомом у министра финансов С.Ю. Витте [2; Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 24. Л. 34; 16]. Вместе с тем, Брокдорф-Ранцау писал Куно 29 июля 1923 г.: «О политическом или военном союзе (с СССР. – В.З.) нет речи» [4; Bd. VIII. № 84. S. 220].

В июле Германия прекратила военные переговоры и ограничила поставки советской оборонной промышленности, поскольку ЦК РКП (б) предпочёл использовать нараставший в Германии политический кризис в интересах европейской революции. Не были случайными и опасения Германии о готовности большевиков спасти немецкую революцию путем уступок Польше за счет Веймарской

республики. 28 октября – 5 ноября 1923 г. член коллегии НКВД Копп провел переговоры в Варшаве, но Польша, – писал Чичерин Сталину, – отказалась подписать «документ, заключающий невмешательство во внутренние дела Германии и гарантии транзита при всяких переменах в её строе» [3; Ф. 17. Оп. 163. Д. 373. Л. 8]. Троцкий считал: невмешательство свяжет Польшу руки «и в отношении Восточной Пруссии, и Данцига ... Польша ... не прочь захватить под шумок Восточную Пруссию, дав нам за это транзит» [3; Ф. 17. Оп. 163. Д. 373. Л. 13]. По мере уменьшения остроты политического кризиса Веймарской республики, готовность большевиков спасти ожидаемую немецкую революцию путем уступок Польшу за счет Германии исчезала: «Поездка Коппа, – по мнению руководителя IV отдела МИД Германии В. Вальрота, – не принесла желаемой поддержки коммунистическому движению в Германии» [4; Bd. VIII. № 235. Оценка поездки Коппа. 7 ноября 1923 г. S. 604]. Брокдорф-Ранцау сообщил МИД о состоявшейся 11 декабря 1923 г. беседе с Радеком. По словам Радека, «советское правительство может хорошо работать с немецким реакционным правительством» [4; Bd. IX. № 55. S. 139].

Во второй половине 1920-х гг. советско-германские военно-политические отношения приобрели масштабный характер, но приводимые в некоторых работах ссылки на «советско-германский военный альянс 1923 – 1933 гг.» и на то, что «фашистский меч ковался в СССР», представляются явным преувеличением. Официально оформленного военно-политического союза между СССР и Германией в 1920-е гг. не существовало. Уместна выдержка из письма Крестинского в мае 1933 г. своему преемнику на посту посла Л. М. Хинчуку: «Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные ... но ... мы никогда ... не давали обещания поддерживать герм[анское] пра[вительство] в его реваншистской войне против Польши» [Цит. по: 16]. Однако сочетание локальной и рапалльской линий в политике Германии помогало ей готовить «мирную ревизию» Версальской системы, что было выгодно и СССР.

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. Российский государственный архив социально-политической истории.
4. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Ser. A: 1918 – 1925. Bd. III – IX. Göttingen, 1985 – 1991.
5. Директивы Главного командования Красной Армии (1917 – 1920). Сб. документов. – М., 1969. № 643. С. 649; № 647. С. 655.
6. Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. - Смоленск, 1923. С. 90 (сноска).
7. Archiwum Akt Nowych w Warszawie.
8. Archiv Ministerstva zahraničnich věci České Republiky. Zastupitelské úřad. Německo. Berlin. Politické věci.
9. Wojna polsko – sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło międzynarodowe. Materiały sesji naukowej w Inst. Historii PAN 1-2 paźdz. 1990. W., 1991. S. 178.
10. Jonca K. polsko – sowiecka 1920 roku w dokumentach niemieckiej dyplomacji. Wrocław, 2002. № 29. S. 159.
11. Польско-советская война. 1919 – 1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. II. – М., 1994. № 182. Из протокола заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 14 октября 1920 г. С. 92 – 93.
12. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. – М., 1961. С. 158.
13. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов. Т. 2. – М., 1971.
14. Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920 – 1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). – М., 2001. С. 79 – 80.
15. Österreichische Staatsarchiv. Neues politisches Archiv. Liasse Polen. K. 642. 2 / 1. Fol. 462.
16. Советско-германские отношения 1922 – 1925 гг. Документы и материалы. Ч. 1. – М., 1977. С. 236.
17. Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. – СПб, 2000. С. 83.